

Я пришел, как суровый мастер...

В рассказе Андрея Платонова «Никита» деревенский мальчик («пяти лет от роду»), наблюдая за чужим петухом, вдруг открывает, что петух похож «по лицу» на знакомого пастуха. В тот же день Никита делает и еще несколько удивительных открытий — что у старого пня есть глаза и уши и что бабушка не умерла, а стала избушкой: «она нарочно баня, а по правде тоже человек». Но дети вырастают и забывают, что «везде есть люди», мало кому удастся сохранить на всю жизнь сияющие глаза пятилетнего ребенка. Одним из таких счастливцев был Есенин. Родившись с причастием к тайне — «в мире нет ничего не живого», он приобщил к этому тайному знанию, к этому поэтическому ясновиденью и нас, своих читателей:

Клененочек маленький матке

Зеленое вымя сосет...

Хорошо бы, на стог улыбаясь,

Мордой месяца сено жевать...

Клененочек, сосущий зеленое вымя, стал чем-то вроде фирменной меты есенинской поэзии. Между тем и это знак пожизненного детства.

Однако, получив от судьбы столь редкостный дар, Есенин создал на его основе уникальную поэтическую систему, емкую, гибкую, способную выразить тончайшие нюансы духовной жизни — «все, что душу облекает в плоть». Для этого мало ума и таланта. Нужна еще и отзывчивость — чуткость ко всему новому — и в житейском укладе, и в искусстве, а главное, в самом воздухе трагического времени.

Прошло более ста лет с тех пор, как в рязанском селе в простой крестьянской семье родился гениальный мальчик, а он по-прежнему остается властителем наших чувств. Об этом, похоже, и напоминать излишне. А вот о том, что Сергей Есенин еще и гениальный реформатор русского стиха и что он не даром писал о себе: «Я пришел, как суровый мастер», напомнить необходимо. Слишком часто в последнее время светлое его имя связывается с незатейливой «простотой». Но это сугубо личные проблемы имитаторов якобы истинно русского стиля. Сам Есенин к убогой простоте, той, что хуже воровства, отношения не имеет.

Ни повторить его «опыт смелый», ни подражать Есенину невозможно. В этом смысле в его пришествии есть что-то общее с явлением Шаляпина. Оба пришли в этот мир, на эту землю из самородных народных глубин, чтобы разбудить в соотечественниках «чувство родины во всем широком смысле этого слова». И чтобы «все до единого, каких бы ни были они различных мыслей, образов воспитания и мнений», сказали, повторяя слова Гоголя: «Это наша Россия; нам в ней приютно и тепло, и мы теперь действительно у себя дома, под своей родной крышей, а не на чужбине».

Алла Марченко

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.

1910

Сергей Есенин

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

1910

Калики

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церквей пред затворами древними
Поклонялись Пречистому Спасу.

Пробирались странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иисусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы Господу,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску. Идут скоморохи».

1910

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
 Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
 Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
 Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
 Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
 И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
 И злится все сильнее.

Отговорила роща золотая

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

1910

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари.
Есть тоска веселая в алостях зари.

1910

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы, –
Я одурманен весной.

Радугой тайные вести
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

1910

Подражание песне

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадельный канон
Все мне чудился тихий раскованный звон.

1910

Отговорила роща золотая

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе.
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всеношной зовет.

Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

1910